

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

**Читайте остросюжетные драмы
Аллы Холод в серии
«Психология преступления»:**

Девочка из провинции
Рыцарь страха и упрека
Человек без дождя
Персональный демон
Женщина перемен
Чужая гостья
Разбитое стекло
Разоренное гнездо
Судьба взаимы
Злая шутка

АЛЛА
ХОЛОД

**ЗЛАЯ
ШУТКА**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х73

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Сазонова*

Холод, Алла.

Х73 Злая шутка : [роман] / Алла Холод. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Психология преступления. Детективы Аллы Холод).

ISBN 978-5-04-172154-1

Травма помешала Ксении посетить торжество в честь дня рождения ее отца, а там случился страшный скандал: невеста юбиляра прилюдно изменила ему с его собственным сыном Стасом! После этого любовники бесследно исчезли, но Стаса вскоре нашла полиция – мертвым. Причиной его смерти стал наркотик, но Стас никогда ничего не употреблял! Ксения уверена, что ее брата убили. Она ищет преступника и узнает: в городе уже был подобный трагический случай. Хорошей девочке из приличной семьи кто-то подсунил наркотик, под действием которого она выбросилась из окна и погибла...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Холод А., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-172154-1

Глава 1

Почему, когда не надо никуда спешить, просыпаешься так рано? В тот день сон улетучился около семи утра, я честно предприняла несколько попыток его вернуть, но все было бесполезно. Почему, когда мне нужно на утреннее заседание, я ни за что не встану сама, без будильника? А когда все-таки встану, буду бухтеть себе под нос, что ненавижу быструю еду, фен, спешку, пробки, сонных секретарей и опоздания судей. И вообще утро я терпеть не могу. Но, если мне спешить некуда, я обязательно просыпаюсь чуть свет и бессмысленно пялюсь в потолок. Какого черта, можете мне объяснить?

Травма открыла передо мной перспективы довольно долгого утреннего безделья. Ну потому что, среди дня, я работала по мелочи — составляла исковые заявления, писала апелляционные жалобы, консультировала по видеосвязи постоянных клиентов. Но время дня для этой работы ввиду

своей немогности я уже выбирала сама, как мне было удобно.

На людях я, конечно, не упускала случая посоветовать на то, как травма отягощает жизнь, как не вовремя она свалилась мне, слава богу, хоть не на шею, а только на ногу, как невыносимо находиться в четырех стенах активному человеку, которого ждет прорва работы. «На людях» — это значит в телефонных разговорах с коллегами, подружками, приятелями, родственниками и частично с мамой, которой привирать было трудно, ибо свою единственную дочь, то есть меня, она видит насквозь. От желающих лично проведать больную я пока что виртуозно увораживалась.

На самом деле вынужденное домоседство меня вовсе не тяготило. Я устала, мне требовался хоть какой-то отдых. Конечно, своему дивану я предпочла бы лежачок на меленьком нежном песочке где-нибудь в районе Плайя-де-Пальма, но поскольку о Майорке речь даже не шла, то и мечтать о ней было нечего. Травма мне почти не мешала. Это ведь не пневмония с ее абсолютным бессилием и удушающим кашлем, лишаящим сна, не какие-нибудь жесткие выкрутасы желудочно-кишечного тракта, при которых толком ни поесть, ни попить... Нога надежно упаково-

вана в гипс, если ее не кантовать, то болей нет и беспокойства она не доставляет. А день длинный, и, если не тратить его на дорогу, ожидание того-сего и магазины, можно много чего успеть: и поработать, и почитать, посмотреть какое-то кино, попить кофе со сливками или чай с брусникой, поболтать с мамой по телефону, а когда приедет — помочь ей на кухне. Она правда все время твердила, что одноногие помощницы ей без надобности, но я старалась не злоупотреблять. Хотя я понимала, что для мамы приготовить мне что-нибудь вкусненькое в радость: когда это она так часто видела свою безумно занятую, загнанную как лошадь дочь? Мой гипс обеспечивал ей возможность видеть меня даже чаще, чем мне бы того хотелось, но и мне он тоже давал некие преимущества.

Во-первых, горизонтальное положение позволило мне на законных основаниях отлынивать от дела, взяться за которое очень просил отец. Приблизиться к этому делу мне не хотелось, поскольку оно было круто замешано на региональной политике, и все его участники еще вчера относились к властному бомонду. Общаться с ними у меня не было ни малейшего желания, я предпочитаю клиентов, которые доверяют своему адвокату и честны с ним, как со своим лечащим врачом. Однако отказывать отцу было

нельзя. Невозможно объяснить почему, просто нельзя, и все.

Еще одно преимущество моего горизонтального положения заключалось в том, что оно позволяло избежать личного присутствия на 55-летию родителя, которое, кстати, должно было состояться вчера. Просто не прийти опять же было нельзя. Так уж принято в нашей семье. Отец считал, что любое сказанное им слово имеет силу закона, даже если в момент его произнесения на судье была не мантия, а домашние спортивные штаны. Я знаю, что имелись на этот счет и другие мнения, которые просто не высказывались вслух. Члены семьи жили так, как считают нужным, просто отцу это свое право предпочитали не доказывать. Зачем? Мне не хотелось идти на праздник, потому что я не жаждала видеть своих напыщенных деда и бабу, которым я была обязана только одним — своим статусом ребенка, рожденного в законном браке. В дальнейшем равнодушие, которое они демонстрировали по отношению к моей персоне, не нуждалось ни в каких комментариях. Они просто меня не любили. Повзрослев и осознав это, я стала платить им той же монетой.

Насчет семьи это я, конечно, загнула. Полноправным членом нынешней семьи своего отца я никогда и не была, а та, в которой нас было

трое — мама, папа и я, просуществовала совсем недолго, и я знаю о ней только по рассказам, ибо сама тогда была младенцем. Мои родители поженились, будучи студентами юридического факультета, с одной-единственной целью: чтобы я появилась на свет на законных основаниях. О любви между ними и речь не шла, они, строго говоря, даже не были парой. Просто вращались в одной компании, вместе проводили время, периодически веселые вечеринки заканчивались для них в одной кровати. Никто не придавал этим отношениям значения, пока мама не почувствовала первые признаки беременности. Будущий папаша рассказал обо всем своим родителям, то же самое пришлось сделать и маме. Старшие посоветовались и решили, что рожать ребенка вне брака нельзя, неправильно это. Брак зарегистрировали и молодых поселили вместе, чтобы они честно попробовали: а вдруг что-то получится? Например, любовь возникнет? Или семья сложится? Ничего не получилось, не возникло, не сложилось, и через несколько лет мои родители, окончательно устав от общества друг друга, тихо-мирно разошлись. Они не говорили дурно друг о друге, но и дружбы между ними не возникло. Они просто не общались. Мама не стала больше выходить замуж, на мои вопросы отвечая всегда одинаково: «Я

там уже была, с меня хватит». Или так: «А разве нам вдвоем плохо?» Мне было хорошо, ей — не знаю. Какие-то мужчины у мамы были, но встречалась она с ними лишь эпизодически и на их территории. И только когда я стала взрослой, она решилась на серьезные отношения с одним очень приятным человеком, хорошим доктором, и переехала к нему жить, оставив меня самостоятельно устраивать свою собственную судьбу, за что я была ей очень благодарна.

Пока я была маленькой, отец обременял меня своим вниманием не часто — на день рождения и на Новый год. Он женился на красавице, активно делал карьеру в прокуратуре, готовился стать судьей, воспитывал сына. Потом в семье отца произошло несчастье: пышущая здоровьем, полная жизненных сил женщина, его жена, нелепо и трагически погибла под колесами автомобиля, которым управлял вдребезги пьяный водитель. Сближение с отцом произошло после того, как я сказала, что буду поступать на юрфак. Мне показалось, что именно тогда он, законник до мозга костей, впервые почувствовал себя отцом по-настоящему, а во мне увидел не просто ребенка, в котором не сильно нуждался, не просто милую девочку Ксюшу, перед которой нужно изображать папу, а продолжателя семейной традиции. Со мной уже не надо было сюсюкать,

зато появились темы для разговоров. Короче, он меня зауважал, мы стали часто общаться. Тем более что его младший сын — и, соответственно, мой сводный брат — Стасик о юриспруденции даже слышать не хотел, чем очень огорчал отца. Он рос, кстати, славным мальчиком, смешливым, озорным, может быть, даже шkodным, но при этом унаследовал удивительную, нежную красоту своей матери, за которую ему прощались все его шуточки, каверзы и иные прегрешения. Я легко полюбила это создание, в котором самым непо-стижимым образом цепкий ум сочетался с детской наивностью, а проницательность зрелого человека — с мальчишеской бесшабашностью и легким отношением к жизни. Стасик вырос остроумным, живым мальчиком, имел острый язычок и цепкие коготки, но умел быть ласковым и трогательным, как новорожденный котенок. Неожиданно для всех он подался в бизнес, связанный со сферой развлечений, а точнее, организацией праздников, корпоративных мероприятий и частных вечеринок. Отцу это не нравилось, но Стасик начал зарабатывать деньги, отчего настойчивые просьбы оставить его в покое стали звучать все более убедительно.

Я сделала себе чашку капучино и стала поглядывать на часы, прикидывая, удобно ли звонить отцу, чтобы расспросить о том, как прошло

вчерашнее торжество. Стасику звонить точно не стоит, он спит допоздна. Было еще рано. И после второй чашки тоже будет еще рано. Гости, конечно же, разошлись за полночь — неужто Стасик не сумел бы развлечь публику, пусть даже и самую чопорную?

Насчет чопорности вчерашнего собрания я, впрочем, была не очень уверена. Я знала, что отец отметил свой праздник в кругу коллег неделю назад в хорошем ресторане, и официальные лица были приглашены именно туда, а на вчерашний вечер планировалось мероприятие более легкого формата, расслабленное, семейно-дружеское. Если бы не необходимость созерцать там деда с бабкой, я бы не стала от него отлынивать. К Инге, папиной будущей жене, я относилась вполне лояльно, недолюбливать ее у меня просто не было причин. Мою маму ради нее отец не бросал, совместную жизнь одной семьей не навязывал. С Ингой мне делить было решительно нечего. Это Стасику придется, если, конечно, он не надумает отделиться, жить под одной крышей с мачехой, которая всего на пару лет старше его, и это Стасик мог ревновать отца к памяти своей погибшей матери. Стасик мог не верить в искренность чувств молодой красивой женщины, очень удачно прибившейся к влиятельному небедному человеку с положением

в обществе. Хотя я от него жалоб на Ингу ни разу не слышала. И вообще Стасик, как я уже успела упомянуть, легкий мальчик, он не любит отягощать ни свою, ни чью-то еще жизнь лишними переживаниями. Я только однажды спросила его, как он относится к Инге, ладит ли с ней. В свойственной ему манере он ответил:

— Главное, чтобы отец с ней ладил, мне-то что. Не мне же с ней спать.

Через пару минут, видимо, постеснявшись собственного безразличия, добавил:

— Она не вредная, не хищная, не глупая. Но самое главное, она не колет ботекс и не ходит к пластическим хирургам. Так что пусть он женится, я не против.

Как только я отковыляла в сторону кухни подальше от прикроватной тумбочки, где остался мой телефон, аппарат громко заиграл марш горного короля из «Пер Гюнта». Кто бы это мог быть? Я бросила взгляд на часы в прихожей: еще не было и девяти утра. В обычный день звонки в такое время отнюдь не были редкостью, но сейчас мне никто не звонил так рано, все, видимо, считали, что моя плюсневая кость ни за что не срастется, если ее так рано будить.

— Не спишь? — прозвучал в трубке постоянный вопрос всех полуночников и любителей звонить в неурочное время.

— Уже нет, — спокойно ответила я. — Неужели пожар?

— Хуже. Вставай, жди меня, я скоро буду.

— Вообще-то я еще даже не умывалась, — попыталась отбиться я, хотя и понимала, что это тщетно.

— Пока я доеду, умоешься. Потом будет не до того.

Столь бесцеремонное поведение я могла позволить только одному человеку — моей подруге детства, а потом и однокурснице Тае Кутиевой. Я ее знаю столько, сколько помню саму себя, потому что мы жили в одном доме, ее родители были однокурсниками моей мамы (и отца — соответственно), дружили с незапамятных времен, а потом всю жизнь вращались в одной юридической тусовке. Между нами с Тайкой ни условностей, ни церемоний нет. В студенческие годы Тая могла явиться к нам в половине третьего ночи, зная, что мама вряд ли воспримет ее визит в негативном ключе, и заявить, давась рыданиями:

— Ксюха, я никогда его не любила! Я только сейчас это поняла! На что я потратила полгода своей жизни!

Я старалась не остаться в долгу. Я могла, например, излишне впечатлившись ночным просмотром «Крестного отца», утянуть домашний

телефон в кухню, чтобы мама не проснулась, набрать номер и сказать:

— Ты знаешь, Тайка, все-таки Аль Пачино самый красивый мужчина в мире.

— Он слишком маленький, — спросонья заявила тогда она.

— Не беда, тебя он в компанию не приглашал, а мне бы подошел и таким, какой есть.

— Ладно, — зевнув, легко соглашалась Тая почти в три часа ночи, — я не возражаю.

Мы с ней любили друг друга иррациональной любовью. У нас было много несовпадений во взглядах на профессию и на жизнь, но повзрослому мы никогда не спорили, это было залогом сохранения наших уникальных отношений, мы обе понимали это, хотя и никогда не произносили ничего подобного вслух.

То, что Тая заявила о чем-то, что хуже пожара, меня не слишком удивило: никогда не знаешь, что в данный момент могло так всколыхнуть ее впечатлительную натуру. Я ждала ее без всякого плохого предчувствия. Оказалось, напрасно.

Тайка ввалилась ко мне минут через сорок в крайней степени возбуждения — признак того, что она принесла какие-то новости. Однако по напряженному выражению ее лица, по тому, как старательно она отводила взгляд, мне стало по-